

ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

Э Н Т О Н И М А К К А Р Т Е Н

ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

КАК РЕЧЬ,
СКАЗАННАЯ ОДНИМ
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ,
СМОГЛА СПАСТИ
МИЛЛИОНЫ ЖИЗНЕЙ

Москва
2020

УДК 94(092)(410)
ББК 63.3(4Вел)-8
М15

Anthony McCarten
DARKEST HOUR

© Muse of Fire Productions Ltd, 2017

МакКартен, Энтони.

М15 Темные времена. Как речь, сказанная одним премьер-министром, смогла спасти миллионы жизней / Энтони МакКартен ; [перевод с английского А. В. Жирнова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Уинстон Черчилль).

ISBN 978-5-04-100267-1

Май 1940 года, Великобритания в состоянии войны. Блицкриг привел к тому, что одна за другой западноевропейские страны попадают под влияние нацизма. Уинстон Черчилль всего несколько дней назад стал премьер-министром, против него настроены и король, и партия, но только в его руках сейчас возможность изменить ход событий и дать народу новую надежду.

Энтони МакКартен расскажет все о периоде между неожиданным назначением на пост премьер-министра (10 мая 1940 года) и 4 июня 1940 года, когда произошло падение Франции, почти полная эвакуация разбитой британской армии из Дюнкерка. И тогда же Уинстон Черчилль произнес одну из своих самых известных речей. В этой книге сплелись воедино яркие образы и тщательные документальные исследования.

«Я хотел изучить методы работы, лидерские качества, психологическое и ментальное состояние одного человека в эти критические дни, — пишет МакКартен. — Человека, который всей своей поэтической душой верил, что слова важны, что они обладают силой и способны изменить мир».

УДК 94(092)(410)
ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-04-100267-1

© Перевод с английского. А. Жирнов, 2019
© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2020

Содержание

<i>Вступление</i>	7
1. Палата разделилась	15
2. Светский прожигатель жизни	35
3. Падение лидера	85
4. Святой лис	103
5. Великий «диктатор»	119
6. Кровь, тяжелый труд, слезы и пот	131
7. Ситуация ухудшается	147
8. Страх, сомнения и внутреннее давление	173
9. Кризис кабинета и лидерство	205
10. «Мы будем драться на наших берегах»	235
<i>Эпилог: по правде говоря</i>	256
<i>Благодарность</i>	263
<i>Ссылки</i>	264

Вступление

Долгие годы на моих книжных полках стояли книги, тему которых можно было определить так: «Великие речи, которые изменили мир». Все эти фолианты наглядно показывали, что эта сомнительная цель достигалась много раз: нужные слова и идеи в нужное время блистательно высказывались умным человеком.

И в каждой такой антологии непременно присутствовала хотя бы одна речь Уинстона Спенсера Черчилля. А часто две или три. Конечно, звучали они слегка старомодно, высокопарно, почти помпезно, но в них всегда находились очень точные выражения — блестящие фразы, которые запомнились бы людям и прошлого, и будущего.

Я изучал речи Неру, Ленина, Джорджа Вашингтона, Гитлера, Мартина Лютера Кинга и других выдающихся ораторов, и мое восхищение способностью выбирать точные, разящие, словно стрелы, слова постоянно росло. Великие ораторы умели понять мысли народа, не нашедшие выражения, и пробудить в слушателях эмоции, объединив их общей страстью, позволяющей воплотить в жизнь то, что казалось немислимым.

Что больше всего поражало меня в Черчилле? Он написал три великих речи всего за четыре недели! Май 1940 года стал для него периодом вдохновенного красноречия. Что же это был за момент, который поднял его на такую высоту? Какие политические и личные процессы подвигли его трижды

за несколько дней превратить обычный уголь в настоящие бриллианты?

Британия вступила в войну. Европейские демократии одна за другой падали под нацистские сапоги. Блицкриг захлестнул Европу. Столкнувшись с таким ужасом и имея в распоряжении только ручку и секретаря-машинистку, новый премьер-министр Британии решил, что слова могут побудить соотечественников к героическому сопротивлению — ведь вторжение врага могло произойти с минуты на минуту.

Эта книга и сценарий фильма «Темные времена» родились из таких вопросов и из моей увлеченности. Я хотел изучить методы работы, лидерские качества, психологическое и ментальное состояние одного человека в эти сложные дни — человека, который всей своей поэтической душой верил, что слова важны, что они обладают силой и способны изменить мир.

Благодаря первым исследованиям я сосредоточился на периоде между неожиданным назначением Черчилля на пост премьер-министра (10 мая 1940 года) и почти полной эвакуацией разбитой британской армии из Дюнкерка и падением Франции (4 июня 1940 года). Именно 4 июня он и произнес последнюю речь из своей риторической трилогии.

Самую ценную помощь мне оказал Национальный архив: я получил доступ к реальным стенограммам совещаний военного кабинета, возглавляемого в те мрачные дни Уинстоном Черчиллем. Эта информация проливает свет на редкий период неопределенности в его карьере, период шаткости и слабости несгибаемого лидера. Пьедесталы для статуй, а не для людей. Я тщательно изучил стенограммы и увидел политика, находящегося в трудном положении, подвергающегося нападкам со всех сторон и порой не понимающего, какой путь избрать. Я узнал историю, о которой никогда не слышал:

британский военный кабинет, заключи он перемирие с врагом, мог бы навсегда изменить наш мир. Насколько близок Уинстон был к заключению мирного договора с Гитлером? Как я узнал, опасно близок.

В 1940 году военный кабинет собирался в Адмиралтействе (совсем недалеко от Даунинг-стрит), а затем в бункере под зданием казначейства. Перед членами кабинета стоял вопрос, должна ли Британия сражаться в одиночку, рискуя гибелью всей своей армии и даже самой нации, или следует пойти более безопасным путем и попытаться заключить мирный договор с Гитлером. Посол Италии в Лондоне, который занимался решением колониальных вопросов, касающихся Африки, Мальты и Гибралтара, дал понять, что он готов просить лидера фашистской Италии, Бенито Муссолини, выступить в роли посредника между Берлином и Лондоном. Соперник Уинстона, лорд Галифакс, был открытым сторонником подобной сделки — по крайней мере, пока условия Гитлера будут приемлемыми. Предшественник Черчилля на посту премьер-министра, Невилл Чемберлен, также соглашался, что это единственный разумный путь, который позволит избежать почти неизбежной гибели. Уинстону пришлось пережить очень одинокие часы, когда он мог положиться только на себя самого.

Многие читатели с удивлением узнают, что великий Уинстон Черчилль, вошедший в историю как решительный и непреклонный враг Гитлера, говорил своим коллегам по военному кабинету, что он, в принципе, не против мирных переговоров с Германией, «если герр Гитлер готов заключить мир на условиях восстановления германских колоний и господства в Центральной Европе». 26 мая он пошел еще дальше и заявил, что «был бы *благодарен* за возможность выбраться

из текущих трудностей, при условии сохранения основ нашей жизненной силы — даже ценой уступки определенных территорий». Каких территорий? Не только европейских, но и *британских*. И это еще не все. 27 мая Чемберлен записал в дневнике, что Черчилль на заседании военного кабинета заявил: «Если мы сможем выбраться из этой заварушки, пожертвовав Мальтой, Гибралтаром и некоторыми африканскими колониями, то я охотно на это соглашусь».

Действительно ли Черчилль обдумывал возможность мирных переговоров с безумным маньяком, которого он проклинал сильнее всех остальных? Похоже, что да. Он испытывал сильнейшее давление и не просто рассматривал эту идею, но даже позволил лорду Галифаксу начать составлять проект совершенно секретного меморандума с изложением британских условий для передачи итальянцам. Это был первый шаг по выяснению того, насколько жестоким может быть Гитлер.

Тем, кто считает, будто любое упоминание о том, что Черчилль реально был готов пойти на подобную сделку, унижает великого человека и наносит ущерб его репутации, я скажу: сложившийся образ воинственного политика, не испытывавшего никаких сомнений в себе, несправедлив; это нереалистичный, плоский образ, клише — не человек, а продукт коллективной мечты. Способность Черчилля поддерживать моральный дух нации, пребывая в нерешительности, не отказываясь от размышлений над разными вариантами выхода из тяжелой ситуации, делает его поистине великим политиком.

Это и есть те самые темные времена, о которых говорит название этой книги. Но из этих мрачных времен — более того, благодаря им! — и родились два великих ораторских шедевра Черчилля, два *coups de theater*, две потрясающие речи.

Первую он произнес перед членами кабинета министров, не участвовавших в совещаниях военного кабинета, а вторую — перед парламентом, и ее услышал весь мир. Первая была подготовкой, своего рода разминкой, и полной ее записи не сохранилось. Но дневниковые записи двоих из тех, кто ее слышал, зафиксировали суть и ключевые фразы. Вторая речь вошла в историю в тот самый момент, когда слова слетели с языка Уинстона, в тот момент, когда он перечислял побережья, порты, поля, холмы, моря и океаны — все те места, где британцы будут сражаться с ужасными гуннами.

В обеих этих речах, а также в той, что была произнесена несколькими неделями ранее (в ней он обещал народу кровь, лишения, слезы и пот — готовы они к этому или нет), Черчилль использовал все эффективные приемы ораторского искусства. Он учился этому у греков и римлян, и в первую очередь у Цицерона: сначала нужно вызвать сочувствие к своей стране, к себе, своим клиентам, своему делу, а затем нанести прямой эмоциональный удар (римские ораторы называли это *epilogos*), причем сделать это так, чтобы среди слушателей не осталось ни одного, чье сердце не было бы затронуто, а на глаза не навернулись бы слезы.

Ему трижды удалось воспламенить сердца в мае и начале июня 1940 года, и каждое его выступление было построено по известному образцу. Образцом таким могла послужить речь Марка Антония в защиту Аквиллия, когда тот разорвал на Аквиллии тунику, чтобы предъявить слушателям шрамы, полученные им в боях. Но Черчилль не прибегал к подобному аргументу перед британской Палатой общин и британским народом. Одними лишь словами он изменил политическую атмосферу и укрепил шаткую волю нерешительных людей, убедив их ступить на неопределенный путь, который — с те-

чением времени, против всех шансов и со всеми жертвами, которые предсказывал Уинстон, — привел их к полной победе.

Это уникальная история.

Когда Уинстон умер, о нем говорили, что в мрачные дни 1940 года, когда Британия в одиночку противостояла чудовищному врагу, он мобилизовал английский язык и послал его в бой. И это не просто красивая метафора. В те долгие дни у него не было ничего, кроме слов. Но если у вас остается единственное оружие для борьбы, то вспомните урок Черчилля: вы можете сделать очень многое!

ВТОРНИК, 7 МАЯ 1940

**ГИТЛЕР УЖЕ ВТОРГСЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ,
ПОЛЬШУ, ДАНИЮ И НОРВЕГИЮ.**

- - - - -

**ТЕПЕРЬ ОН СОБИРАЕТСЯ ПОКОРИТЬ
ОСТАЛЬНУЮ ЕВРОПУ.**

- - - - -

**БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ПОТЕРЯЛ ВЕРУ
В СВОЕГО ЛИДЕРА, НЕВИЛЛА ЧЕМБЕРЛЕНА.
ПОИСКИ ПРЕЕМНИКА УЖЕ НАЧАЛИСЬ.**

- - - - -

1. Палата разделилась

В зале пленарных заседаний британского парламента гремели обвинения и проклятия.

— Прочь! Прочь! — доносилось с верхних галерей, где толпились аристократы и члены Палаты лордов. Люди свешивались с балюстрады, чтобы лучше видеть. — В отставку! В отставку!

В истории британской политики никогда еще не было ничего подобного. Члены оппозиционных партий скатали свои запросы в трубочки и метали их, словно дротики, в направлении сгорбившегося, слабого и больного человека, сидевшего перед ящиком для прошений. Человеком этим был премьер-министр Великобритании, член консервативной партии Невилл Чемберлен.

Но Чемберлен не хотел уступать пост лидера по целому ряду причин — и не в последнюю очередь из-за полной неуверенности в том, кто сможет стать его преемником.

Британия уже восемь месяцев находилась в состоянии войны. Ситуация ухудшалась с каждым днем. И политики, и народ требовали не просто лидера, но *великого* лидера — так всегда бывает в великие времена. Стране нужен был руководитель, способный свершить то, что под силу лишь неординарному человеку, нужны были слова, способные трогать, побуждать, убеждать, зажигать и вдохновлять. Слова должны были пробудить в сердцах людей чувства, о которых те даже не догадывались. Из этих слов рождаются действия и, в зави-